

19 ЯНВ 1960

# Новогодний МОМОР ФАНТАСТИКА? ПОЧТИ...

## Репортаж из 2000 года

Сегодня я встал позже обычно. Встречал Новый год. И какой! Двухтысячный!.. Как летят время!

В голове теснились затолоченного новогоднего репортажа: «Круглая дата», «На рубеже веков», «Вступая в двадцатый первый».

По привычке потянулся за «Утренней Москвой» и вдруг увидел ошеломляющий аншлаг: «Первое событие нового века. Спящий проснулся!». «Этот человек неожиданно уснул 31 декабря 1959 года. Фамилия Ярусов. Зовут Михаил Михайлыч».

Я бросился к своему индивидуальному вертолету и помчался к месту происшествия...

Михаил Михайлыч окружала толпа репортеров, он был явно утомлен. Я понял, что опоздал, и мне грезилась громы и молнии редактора...

Но тут случилось необычное. Когда Михаил Михайлыч узнал, что я из «Театральных новостей», он вдруг оживился, глаза его как-то странно сверкнули, и, помахавав рукой газетчикам, Ярусов ринулся в мои объятия...

— Вы думаете, я Пьер Скрипкин? — воскликнул он. — Вы думаете, что попали в Театр сатиры на поставленную постановку «Клопа»? Нет, если бы я ходил на Маяковского в Театр сатиры, я бы никогда не уснул!

По щеке Ярусова тихо скатилась слеза. Такое вступление меня буквально поставило в тупик...

— Почему вы плачете? — робко спросил я, доставая портативный автомат-диктофон...

— А как же не плакать? Подумайте только, уснуть на 40 лет! Какое время проспать, какие события! А я... — и Михаил Михайлыч смахнул слезу...

Цитирую запись диктофона.

Он. — Видите ли, я театральный болельщик... всю жизнь увлекался театром. Ходил на репетиции, просмотры, премьеры, пятые, десятые, сотые спектакли...

Я. — Интересно!

Он. — Как было хорошо! Но в декабре 1959 года по сложившейся традиции московские театры объявили аврал...

Я. — Что такое аврал?

Он. — К примеру, театр планирует выпустить в год шесть спектаклей, три из них появляются в течение одиннадцати месяцев, а остальные в декабре. Вот и аврал...

Я. — Какой же смысл?

Он. — А план? А премия?

Я. — Странно...

Он. — У вас в декабре не бывает?

Я. — Что вы! У нас все ритмично...

Он. — Так вот. За двадцать дней пришлось мне посмотреть спектаклей сорок...

Я. — И вы не разорились? Ведь в те времена еще были деньги?

Он. — Нет. Я ходил по знакомству. Надо было помочь...

Я. — Чем?

Он. — Похлопать для зрительской реакции...

Я. — А-а... М-да...

Он. — Спектакли были разные, во как-то очень похожи. Ну и спешка, качество не всегда... Да и названия попадались какие-то гипнотические: «Доброй ночи, Патриция!», «Сны Симоны Машар»... И хотя утверждали, что «В эту ночь никто не уснул» или «Спать опасно», а я все-таки уснул... И надолго.

Я. — Потрясающе!

Он. — Но уж теперь-то я спасся! А как тут у вас? Театр Вахтангова?

Я. — Отлично! Сочный, жизнеутраченный...

Он. — А Рубен Николаевич? Помню, три дня назад, 28 декабря... Ах, простите, неужели я был на его

юбилее сорок лет назад? Отмечалось шестидесятилетие. Он был в полном расцвете сил... Поди, поставь...

Я. — Что вы? Бодр, здоров. Велел Александр Александровна недавно выдвинула его кандидатуру в председатели ВТО...

Он. — А кто руководит театром?

Я. — Внук. Он в отличной форме.

Он. — Так сказать, династия Симоновых. А Евгений Рубенович?

Я. — Пишет пьесу.

Он. — Театр Моссовета все там же?

Я. — В «Аквариуме». Юрий Александрович, как получил новое здание, будто выпил эликсир жизни... Как всегда, молодежь, алетанте. Недавно отметили пятидесятичное представление классического спектакля «Дядя neodрядный» и 40-летие «Миллиона за улыбку».

Он. — Вот здорово, как будто и не спал! Ну а МХАТ? Нашли главного режиссера?

Я. — Что вы! Коллегия. Традиция. Он ведь начинался коллегиально — Станиславский и Немирович-Данченко...

Он. — Да, да... А в Малом?

Я. — Там же режиссура вообще не в почете. Актерский театр...

Он. — Увы, все верно! Удивительно... Был у нас молодежный театр-студия, «Современник». Поди, вырости Пастернака...

Я. — Что вы? Все еще молодежный. Да, на днях получил помещение.

Он. — Олег Ефремов?

Я. — Вот уж лег! репорт изытывает трудности с репертуаром. Сейчас пишут в основном жизнеутрачающие пьесы.

Он. — Бедняжка. А новые театры появились?

Я. — В шестидесятых годах появился было театр «Созердатель». Организаторы решили подглядывать и подслушивать жизнь. Записывали разговоры на улицах, фотографировали прохожих, под джазовую музыку показывали поток жизни...

Он. — Ну и как?

Я. — Захирел. Зрителя сперва увлеклись, потом забыли. Но у нас есть действительно новаторские театры, великолепные.

Он. — А можно взглянуть?

Я. — Пожалуйста...

Мы с Ярусовым уселись в вертолет, взяв для начала курс на угол улицы Герцена и Собинковского переулка.

Показался золотисто-розовый купол сказочно красивого здания. Включая диктофон.

Я. — Вот и «Патетический театр»...

Он. — По проекту Охлопкова?

Я. — Конечно. Очень оригинальный зритель...

Он. — А постановки?

Я. — Новаторские. Коллектив все время в поисках и дерзаниях. На одном спектакле оркестр занимал партер, актеры играли на ярусах, а зрители сидели на сцене.

Он. — Неистовая фантазия...

Я. — Но чувства современности у него не отнимаешь.

Он. — Это и в наше время отмечалось. Ну, а еще новаторские театры есть?

Я. — А как же! На Леянических горах «Театр поэзии и жизнеутраждения». Руководитель Б. Равенский.

Он. — Его столько критиковали...

Я. — Теперь критики научились и помогать...

Он. — Наконец-то! Как дела в Ленинграде? Бываете?

Я. — Конечно. Хотите взглянуть?..

Мотор взревел, и мы опустили на Невском.

Я. — Вот видите, скульптура «Содружество». Акимов и Товстоногов стоят в объёму, устремив вдохновенные лица в будущее. Внизу барельефы театровелов.

Он. — Давно бы пора...

Я. — Обратите внимание — вместо гастрономического магазина стоит театр «Жизнерадостной комедии» по проекту Николая Павловича, у него сцена движется вокруг зрительного зала...

Он. — А как Товстоногов?

Я. — Руководит театром «Большой правды и высокой героики». Каарела Ирда знаете?

Он. — Как же, как же! Пламенный эстонец...

Я. — Создал Синтегический театр.

Он. — Что это такое?

Я. — Ну, понимаете ли, театр, который максимально использует все выразительные средства: слово, музыку, пение, танец...

Он. — Но это же оперетта?!

Я. — Нет, что вы, это высокое искусство...

Он. — Значит, театр живет, цветет и развивается? А кинорежиссер Ромм предсказывал, что театр умрет, что это искусство без будущего, что, мол, наступил век кино и телевидения.

Я. — Это были явно неудачные и странные прогнозы. Все виды искусства у нас развиваются гармонически, не вытесняя, а обогащая друг друга.

И тут я увидел, как засияли глаза моего собеседника. Михаил Михайлыч вынул платок и протер увлажнившиеся веки.

Я. — Что с вами?

Он. — От переполнения чувств...

Извините меня...

Я. — Но это еще не все. У нас около ста тысяч народных театров. Каждый человек занимается искусством.

Он. — Да это же коммунизм!

Я. — Гармоническое, развитие личности. Время не теряли. Да, недавно открылся филиал Малого театра на Луне. Театр сатиры показал «Дамоклов меч» на Марсе — бешеный успех. МХАТ задумал гастрольную поездку на Юпитер. В репертуаре — «Беспокойная старость», «Три сестры» и... «Юлиет смеется». Не хотите прокатиться?

Он. — Что вы? Там же играют старые спектакли...

Я. — На выездах всегда так. Традиция. Но все же интересно...

Он. — Легим!

Наш вертолет взял курс на ракетодом...

Через несколько минут космический лайнер прочертил звездное пространство...

Ю. МАЛАШЕВ